

Реинкарнация многополярности

Алексей МАЦЕВИЛО,
заместитель директора
Информационно-
аналитического центра
при Администрации
Президента Республики
Беларусь

Украинский кризис сделал явным то, что вызревало подспудно: мир вновь вернулся к многополярной конфигурации. Этот процесс не может протекать незаметно и безболезненно, поэтому к сопутствующим ему изменениям нам всем предстоит адаптироваться.

Основные факторы возрождения многополярности в мире в первую очередь – резкий рост экономической, технологической и военной мощи Китая, а также относительное ослабление мощи США и стран Запада в результате глобального экономического кризиса. По данным Международного валютного фонда, в прошлом году валовой внутренний продукт Китая по паритету покупательной способности составил около 13,4 трлн долларов, а США – 16,7 трлн долларов. Экспертами фонда прогнозируется, что доля китайского ВВП в объеме мирового валового продукта будет расти, в то время как доля американского – снижаться. Если в 2013 году доля китайского ВВП составляла 15,4 %, а американского – 19,3 %, то к 2018 году доля китайского ВВП будет 17,9 %, а американского – 18,6 % (ВВП КНР достигнет 20,7 трлн долларов, США – 21,6 трлн долларов).

Но не надо ждать от КНР, что она публично провозгласит себя второй сверхдержавой: китайцы, с присущим им дипломатическим искусством, предпочитают гово-

рить о восстановлении многополярности в принципе, без указания на то, что де-факто оно уже состоялось, и на то, кто сегодня является вторым мировым полюсом силы. Восстановление многополярности сопровождается укреплением региональных центров силы, которые могут использовать в своей политике фактор конкуренции двух сверхдержав. Поэтому соперничество США и Китая за глобальное первенство и втягивание в него региональных центров силы становятся ключевым фактором международных отношений на ближайшие десятилетия.

После отказа КНР в 2009 году от создания «большой двойки» с США американцы проводят по отношению к Китаю «политику окружения», направленную на предотвращение стратегических альянсов Пекина с региональными центрами силы. На это ориентированы две глобальные инициативы Вашингтона. При этом Евросоюзу предлагается идея Трансатлантического партнерства, где военно-политический союз в рамках НАТО будет дополнен зоной свободной торговли между США и ЕС. А Японии, Австралии, Южной Корее и другим растущим экономикам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – Транстихоокеанского партнерства как альтернативы Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, в котором влияние Китая сегодня велико.

Реализация этих планов противоречит стратегическим интересам не только Китая, но и России, поскольку она ставит крест на давней идее российской элиты о «Большой Европе от Лиссабона до Владивостока». (Такой альянс, случись он на самом деле, был бы мировым центром силы, не уступающим США и Китаю.) Также она изолирует

ОБ АВТОРЕ

МАЦЕВИЛО Алексей Евгеньевич.

Родился в 1976 году в д. Ендриховцы Волковысского района Гродненской области. В 1999 году окончил филологический факультет Гродненского государственного университета, в 2002 году – аспирантуру в НАН Беларуси.

С 2004 по 2008 год занимался прикладными политологическими исследованиями в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. В 2008–2012 годах – сотрудник БелТА.

С 2012 года – начальник управления подготовки концептуальных документов, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

Автор более 20 научных публикаций.

Сфера научных интересов: прикладной политический анализ, политтехнологии в информационном обществе, геополитика Евразии, Китай.

Россию в таком важном и перспективном для нее регионе, как АТР. В этих условиях постсоветское пространство стало зоной геополитической игры США, направленной на углубление противоречий между ЕС и Россией (в Восточноевропейском регионе) и Россией и Китаем (в Центральной Азии). Она нацелена на то, чтобы предотвратить сближение и возможные стратегические альянсы между этими субъектами мировой политики. Здесь надо заметить, что поощрение со стороны США расширения НАТО и ЕС за счет постсоветских стран является самым эффективным раздражителем в отношениях лидеров России и Евросоюза.

В конечном счете американские маневры, направленные на одновременную изоляцию и Китая, и России, оказались большим раздражителем, чем соперничество Москвы и Пекина за влияние в Центральной Азии, и подтолкнули их к сближению. Но восстановление многополярности имеет под собой и более фундаментальные причины, чем издержки американской дипломатии. В 1990-е годы и китайская, и российская элиты прямо не оппонировали новому глобальному порядку (однополярному), но претендовали взамен на значимое место в глобальной элите. Однако столкнулись с «двойными стандартами глобализации» со стороны элиты западной. Запад претендовал на допуск к стратегическим активам в России и Китае, и при этом отказывал партнерам в допуске к стратегическим западным активам. И это было первым важным симптомом того, что однополярный миропорядок не способен обеспечить удовлетворение стратегических интересов этих стран.

Вторым симптомом стали силовые действия Запада в обход ООН в Югославии, Ираке и Ливии. А третьим – поведение стран Запада в условиях глобального экономического кризиса: когда они попытались переложить свои издержки на Китай, Россию и другие развивающиеся экономики. В таких условиях Москва должна была решать, как ей реагировать на растущую мощь Пекина – сближаться с Китаем или с Западом? Новая концепция внешней политики России, принятая в начале 2013 года, еще носит в себе черты этой двойственности. В документе постулируется, что «приоритетный характер имеет развитие отношений с государствами

Евро-Атлантического региона, с которыми Россию связывают, помимо географии, экономики и истории, глубокие общецивилизационные корни... Основной задачей в отношениях с Европейским союзом для России как неотъемлемой, органичной части европейской цивилизации является продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана» [1].

Блоки о сотрудничестве с ЕС в концепции конкретизированы: речь идет о формировании четырех общих пространств (экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты), о создании объединенного энергетического комплекса и построении единого рынка, выработке механизмов сотрудничества в области внешней политики и безопасности, введении безвизового режима.

А вот как выглядят блоки о сотрудничестве с центрами силы Востока: «Россия будет продолжать наращивать всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китаем, активно развивать сотрудничество во всех областях», «Россия проводит принципиальную линию на углубление привилегированного стратегического партнерства с Индией, упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и укрепление взаимовыгодных двусторонних связей во всех областях, прежде всего в торгово-экономической сфере, ориентируясь на реализацию утвержденных сторонами долгосрочных программ сотрудничества», «Россия считает важным дальнейшее развитие механизма эффективного и взаимовыгодного внешнеполитического и экономического сотрудничества в формате Россия – Индия – Китай» [1].

Заметно, что предложения по наращиванию сотрудничества с Западом проработаны куда более детально, чем положения, касающиеся сотрудничества с Китаем и Индией, сформулированные довольно общо. Поворотным пунктом, похоже, стал банковский кризис на Кипре в марте 2013 года, где финансовые проблемы западной банковской системы попытались решить путем экспроприации российских активов в местных банках. В том же месяце лидеры России и Китая встретились в Москве

(это был первый зарубежный визит нового главы КНР) и договорились довести объем взаимной торговли до 100 млрд долларов к 2015 году и до 200 млрд – к 2020-му.

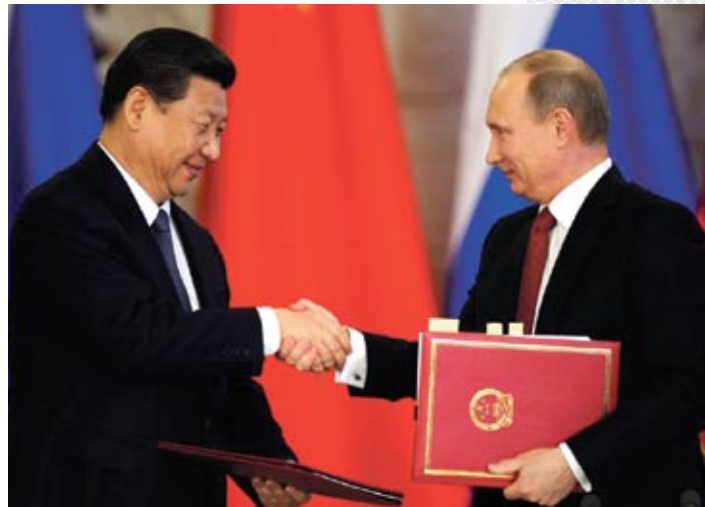
В июне 2013 года было подписано соглашение (сроком на 25 лет) о поставках в Китай российской нефти на 270 млрд долларов. Одновременно были подписаны соглашение о совместной разработке нефти и газа на Северном полюсе и меморандум о создании совместного предприятия для освоения нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока. С подписанием этих документов Россия получила запас прочности в своих взаимоотношениях с Западом, поскольку в таких условиях любое санкционное давление будет в дальнейшем компенсироваться ростом торгового и инвестиционного сотрудничества с Китаем. И когда западные страны, не учитывая изменившихся реалий, попытались сыграть в Украине в привычную им игру с нулевой суммой, Россия, ощущая за собою поддержку КНР, повела себя абсолютно неожиданным для Запада образом.

Тем, кто видит в российских действиях по Украине «давно продуманный злоеущий план», не лишним будет вспомнить, сколько раз Россия в течение 2013–2014 годов предлагала на уровне дипломатии открыто обсудить в трехстороннем формате проблемы в треугольнике Россия – Украина – ЕС. И именно Евросоюз торпедировал все предложения такого рода, уверяя, что евроинтеграция Украины никак не касается ее отношений с РФ и интересов Москвы в Восточноевропейском регионе.

Когда план урегулирования украинского кризиса от 21 февраля, разработанный при участии России, был саботирован Майданом, ни один западный гарант не удосужился потребовать его выполнения. Это была попытка классической игры с нулевой суммой. Другое дело, что Россия, наученная предыдущим горьким опытом, и зная, как нужно ей относиться к западному посредничеству и гарантиям, оказалась готова к такому развитию событий...

Почему же именно украинскому кризису суждено было стать «кесаревым сечением» для возрождающейся многополярности?

Глобальный экономический кризис обнажил уязвимость западной экономики и показал, что невозможно быть мировым финансовым и сервисным центром, пере-

▲ Си Цзиньпин и Владимир Путин. Москва, 2013 год

став быть центром индустриальным. Путь к восстановлению экономического могущества Запада сегодня лежит через реиндустриализацию. США уже вступили на этот путь, опираясь на дешевую сланцевую энергию и политику денежной эмиссии. Например, сланцевая революция позволила снизить цены на очень важное для химической промышленности сырье: цены на этан со своего максимума в 2008 году уменьшились на 56 %. В результате, по данным Американского совета химической промышленности (American Chemistry Council), с марта 2013 года публично заявлено о создании 100 крупных инвестиционных проектов в области химического производства на территории США общей стоимостью 72 млрд долларов. Они должны принести 66,8 млрд дополнительного ежегодного прироста продукции химической промышленности к 2020 году. Это, в свою очередь, обеспечит новые рабочие места в химической отрасли и будет стимулировать производство дополнительной продукции в других отраслях промышленности, т.е. создаст косвенный экономический эффект. Как следствие, объединенный экономический эффект (добавленная продукция в других секторах экономики) приведет к увеличению на 100 млрд долларов выпускаемой продукции. Самое важное, что эти проекты нацелены на производство новейших высокотехнологичных продуктов (пластиков и композитных материалов), создаваемых на базе последних научных достижений и более эффективных и безопасных технологий.

«Сланцевый газ меняет соотношение цен и тем самым обостряет конкуренцию между двумя индустриальными центрами – Америкой и Европой», – заявил на годовой пресс-конференции немецкой нефтегазовой компании Wintershall ее глава Райнер Зеле [2]. Он привел данные исследования Citibank, согласно которому промышленное производство в США теперь всего на 7 % дороже, чем в Китае, и на целых 15 % дешевле, чем в Германии. Из этого глава Wintershall сделал вывод, что «немецкой индустрии предстоят суровые времена», причем виновата в этом, по его мнению, сама Германия, поскольку проводимая ею энергетическая политика привела к росту, а не к падению цен на электроэнергию.

В целом Евросоюз (если не считать германо-польского промышленного комплекса, на котором сейчас зиждется индустриальная мощь ЕС) созрел для принятия стратегических решений по реиндустриализации только к концу 2012 года. Принятая тогда концепция промышленной политики ЕС предполагает, что доля предприятий в созданном на территории ЕС валовом внутреннем продукте должна к 2020 году увеличиться на 20 %.

Однако в январе 2014 года Еврокомиссия констатировала, что «Европа еще далека от заявленной на 2020 год цели достигнуть 20-процентной доли промышленности в ВВП Европы. По этой причине конкурентоспособность промышленности должна быть центральной темой политической повестки дня Европейского совета, который соберется в марте 2014 года. Сегодняшним начинанием комиссия дает четкий знак: если мы хотим создать новые рабочие места, нашу экономику неизбежно нужно снова индустриализовать и модернизировать», – заявил европейский комиссар по вопросам промышленности и предпринимательства Антонио Таянии [3]. С этой точки зрения в условиях проектируемой сейчас Трансатлантической зоны свободной торговли серьезные шансы сохранить конкурентоспособность есть только у промышленников Германии – ведь США придут туда с уже модернизированной промышленностью и дешевой энергией, имея конкурентное преимущество.

Для реиндустриализации, к которой сейчас стремится ЕС, куда большее значение имеют экономические связи с Россией –

источником энергии, сырья и обширным рынком сбыта у самих границ Евросоюза. (Отсюда, кстати, и неприятие в ЕС идеи союза Евразийского, в рамках которого постсоветские страны могут проводить собственную политику реиндустриализации.) Поэтому идея о «Большой Европе от Лиссабона до Владивостока» (общего экономического пространства от Атлантики до Тихого океана), за которую Россия долгое время ратовала, теоретически была бы наиболее выгодна для народов континента. Возможный синергетический эффект от такого экономического объединения эксперты исчисляют сотнями миллиардов евро.

Однако на пути реализации этой концепции постоянно возникали препятствия, и одним из наиболее существенных было систематическое давление США в пользу интеграции лежащей между РФ и ЕС Украины в НАТО и Евросоюз. (В числе других – идеологические и торговые конфликты с Польшей, странами Балтии, ситуация вокруг ЕвроПРО, военный конфликт вокруг Южной Осетии.) И, думается, дело тут не столько в старых фобиях американских политиков и политологов (например, Збигнева Бжезинского) по поводу угрозы восстановления Российской империи, сколько в попытках заблокировать реально возможное стратегическое партнерство между РФ и ЕС.

Экономическая целесообразность интеграции Украины (даже на уровне подписания соглашения об ассоциации) для ЕС в целом сомнительна. Она обусловлена готовностью России сохранять открытыми для Киева свой товарный рынок и рынок труда, невзирая на происшедшие изменения. В случае отказа России от такого сценария будет сломана нынешняя схема движения товарно-денежных потоков, когда доходы от украинского экспорта в РФ идут потом в Европу – на закупку товаров и инвестирование. Платежеспособный спрос и емкость внутреннего рынка упадут. Обострятся проблемы нелегальной миграции в ЕС. Но Евросоюз все же оказался втянут в этот проект в силу ряда факторов: 1) давление США; 2) давление некоторых стран-членов, в первую очередь Польши; 3) противодействие евразийской интеграции; 4) соображения энергетической политики; 5) идеологические соображения.

В конечном счете именно стратегия втягивания Киева в западные интеграционные

проекты являлась стержнем американской дипломатии вокруг Украины. Вопреки журналистским стереотипам, у США долгое время не было неустраимых противоречий с Януковичем. С 2005 года с ним работали американские политконсультанты и лоббисты – вплоть до разгона студенческого Майдана 30 ноября 2013 года. И президент Барак Обама, и госсекретарь Хиллари Клинтон публично подтверждали свою готовность работать с правительством Виктора Януковича. Со своей стороны, украинский президент объявил евроинтеграцию приоритетом своей внешней политики. И пока Украина двигалась к подписанию соглашения об ассоциации, американцы были готовы работать с украинским президентом. На переговорах с политиками Евросоюза они активно проталкивали подписание соглашения. Кроме того, США финансировали продвижение евроинтеграционной идеи в самой Украине. По заявлению представителя госдепа Мари Харф, только в 2013 году на эти цели было выделено свыше 100 млн долларов.

Среди стран ЕС украинскую евроинтеграцию наиболее активно лоббировала Польша, что было обусловлено соображениями геополитики, исторической политики и экономики, а также меркантильными интересами польских производителей. Экс-президент Польши Лех Валенса со свойственной ему прямоотой заявлял в интервью газете *Die Zeit*: «Бог дал Украине такие хорошие почвы с тем, чтобы она могла прокормить всю Европу. А машины могут производить и в Польше» [4].

В ходе сложных переговоров о судьбе соглашения с Украиной Польша была активным лоббистом подписания. Поэтому глава польского МИД Радослав Сикорский имел основания заявлять перед Вильнюсским саммитом: «Польша сделала все, чтобы это соглашение было подписано» [5].

Намеки Украины на ее возможное сближение с Таможенным союзом также подстегивали энтузиазм европейских политиков в деле евроинтеграции. В ЕС Таможенный союз склонны рассматривать как протекционистское объединение, препятствующее экономической экспансии Евросоюза на соседние рынки. Еще одним доводом в пользу соглашения с Украиной были соображения энергетической политики. Это помогло бы обезопасить транзит газа и нефти из

▲ Виктор Янукович
и Барак Обама. 2012 год

России, задействовать транзитную инфраструктуру для прокладки новых энергетических маршрутов из Каспийского региона и Центральной Азии, шире использовать возможности украинской электроэнергетики (Украина – экспортер электроэнергии в ЕС), поучаствовать в добыче нефти и газа на украинском шельфе и в разведке запасов сланцевого газа. Кроме того, в условиях разочарования граждан европейских стран в эффективности Евросоюза важно продемонстрировать, что он сохраняет привлекательность для народов соседних стран, а значит, все на самом деле не так мрачно...

В целом неоднородность интересов европейских элит, лоббизм, сложная процедура принятия решений в Евросоюзе плюс умелое манипулирование в информационном поле способствовали определенному набору вынужденных реакций России и ЕС на события в Украине, сделавших в итоге практически невозможным их сближение и стратегический альянс. Украине теперь предназначено быть яблоком раздора между этими региональными центрами силы. Единственным элементом этой конструкции, который пока недостаточно просчитан, является возникшая в результате ее реализации степень сближения России и Китая.

Какой же представляется новая расстановка сил и ближайшие интересы основных игроков в условиях новой многополярности?

Начнем с Китая. Он выступает основным благополучателем ситуации, сложившейся после украинского кризиса. Москва благо-

дарна Пекину за проявленное понимание ее действий в Украине и прикрытый тыл. Со стороны РФ Китай может рассчитывать на углубление экономического сотрудничества: достижение новых договоренностей в области поставок и совместной добычи энергоносителей, активизацию военнотехнического сотрудничества, перенос финансовой активности крупных российских компаний в Шанхай и Гонконг. Соответствующие договоренности могут быть закреплены в ходе предстоящего майского визита в Китай руководства РФ. (Но уже сейчас в прессе появляются сведения о некоторых важных шагах, которые, якобы, собирается сделать на этом пути Кремль: например, о поставках КНР комплексов С-400.)

Кроме того, США вынуждены будут вступить в переговоры с КНР относительно возможного изменения ее позиции по поддержке России, обещая взамен смягчить политику окружения, которую они проводят по отношению к Китаю в АТР. Собственно, линия Вашингтона на снижение конфронтации с Пекином уже проявилась в ходе недавнего неформального визита в КНР первой леди США Мишель Обамы, а также в ходе встречи американского президента и китайского лидера на полях саммита по ядерной безопасности в Гааге. В Гааге Барак Обама выразил готовность работать над устранением трений сторон по таким вопросам, как «права человека, разрешение территориальных споров в Южно-Китайском море и Тихоокеанском регионе». Си Цзиньпин, со своей стороны, заявил, что «Китай твердо намерен выстроить новую модель отношений между крупнейшими мировыми державами».

Согласование позиций сторон обещает быть непростым, однако к моменту визита Барака Обамы в Пекин на неформальный саммит лидеров стран АТЭС в ноябре контуры новых договоренностей должны быть обрисованы. И Обама, и Си Цзиньпин в конце марта посетили ЕС, где собрали щедрый дипломатический урожай на поле украинского кризиса.

Политика санкций по отношению к России, в которую втягивается ЕС, ставит Старый Свет перед непростым выбором. Возможное снижение активности экономического сотрудничества с РФ не пойдет на пользу и без того страдающей от кризиса

экономике Евросоюза. США используют эту ситуацию для форсирования переговоров о создании Трансатлантической зоны свободной торговли (ЗСТ). Основные аргументы – рост товарооборота и возможность поставок сланцевого газа из Нового Света в Старый (по американскому законодательству реализация возможна только в те страны, с которыми у США есть соглашения о свободной торговле). Ввоз энергоносителей из США предлагается как альтернатива российскому.

Однако эта идея вызывает серьезный скепсис в некоторых деловых и политических кругах в ЕС. Например, вице-канцлер и министр экономики ФРГ Зигмар Габриэль заявил недавно, что поставки природного газа из России в ЕС «не имеют разумной альтернативы». Кроме того, предлагаемые американцами условия ЗСТ болезненно ударят по аграрному сектору в ЕС, что провоцирует разногласия между государствами-членами по отношению к этой идее.

В такой ситуации наращивание экономического сотрудничества с КНР будет привлекательной идеей для Франции, Италии, Испании, чье влияние на экономическую политику Евросоюза в рамках ЗСТ с США рискует еще больше снизиться, а потери – возрасти.

Разногласия между странами Старого Света по-прежнему велики, и они, с большой вероятностью, будут только нарастать под действием внешних и внутренних факторов: давления со стороны Вашингтона относительно ужесточения антироссийских санкций и создания ЗСТ, а также возможного успеха на выборах в Европарламент сторонников «европейской Европы» или «Европы национальностей» (консерваторов и евроскептиков). В таких условиях признание со стороны ЕС нового статуса Крыма и возобновление курса на стратегическое партнерство с Россией представляются маловероятными, а реализация претензий ЕС на статус самостоятельного мирового центра силы вновь откладывается на неопределенный срок.

После того как США помогли Евросоюзу и России увязнуть в украинском кризисе и достигли определенного тактического успеха в продвижении проекта Трансатлантического партнерства, для Вашингтона ключевым остается вопрос о его стратегии в АТР. Возможности для маневра здесь, на самом

деле, ограничены: потому что смягчение политики окружения КНР может быть воспринято ангажированными в нее странами как признак слабости США и заставит их искать соглашения с Пекином.

Оптимальным для США вариантом было бы снижение активности Китая в АТР, что позволило бы Вашингтону избегать прямой конфронтации с КНР на данном театре. Поэтому весьма вероятным становится обострение ситуации на западных подступах к Китаю, в регионе Центральной Азии. Это позволило бы как отвлечь внимание Пекина, так и сыграть в дальнейшем на противоречиях между ним и Москвой в данном регионе, раскалывая сложившийся сейчас ситуативный альянс и препятствуя его превращению в альянс стратегический.

Для жителей Восточной Европы самым прискорбным последствием новой геополитической конфигурации является то обстоятельство, что наш регион оказывается в положении «Балкан XXI века». Именно линии междивизилационных разломов зачастую оказываются местом, где крупные геополитические игроки могут вести борьбу за первенство, не втягиваясь в прямую военную конфронтацию. (Хотя 100 лет назад на Балканах дело дошло до начала Первой мировой войны.)

Исторически роль России в нашем регионе такова, что ни одно ее правительство не может оставаться безучастным к событиям в странах этого региона – помимо всех геополитических и экономических соображений, российский народ просто не поймет и не поддержит иного поведения своего правительства. Европейский союз после своего расширения точно так же обречен быть ангажированным в события в нашем регионе, потому что такие новые члены, как Польша, Венгрия, Румыния, Литва, тоже играли в нем определенную историческую роль – и их правительства должны считаться с мнением граждан. Поэтому любой серьезный внутренний кризис в странах нашего региона не может протекать в условиях бездействия России и ЕС, симпатии которых к сторонам конфликта, как правило, идеологически запрограммированы.

Геополитические и экономические факторы подталкивают Россию и ЕС к стратегическому союзу, однако фактор исторический делает их сотрудничество легко

уязвимым для атак и провокаций, чем и могут пользоваться иные геополитические игроки. В результате украинского кризиса наш регион входит в долговременную полосу нестабильности. Присоединение Крыма к России на неопределенный срок отодвигает перспективу вступления Украины в НАТО и весьма осложняет создание Зоны свободной торговли Украина – ЕС. Помощь в предлагаемых Западом объемах и формах не способна серьезно улучшить экономическую ситуацию в стране.

Противоречия в интересах регионов, компаний и социальных групп в Украине, не дававшие сделать выбор между ассоциацией с ЕС и Таможенным союзом, никуда не исчезли. Поэтому непонятно, какой же должна быть политика новых властей страны, чтобы сохранять ее единство и порядок в этих непростых условиях. С учетом этих факторов, к величайшему сожалению, быстрый выход из нынешнего кризиса в братской стране представляется маловероятным. Поэтому государства-соседи должны быть готовы к новым возможным обострениям в Украине.

Беларусь в этой ситуации сохраняет приверженность своим союзным отношениям с Россией и добрососедским отношениям с Украиной, а также продолжает развивать всестороннее стратегическое партнерство с великим Китаем, которое выйдет на еще более высокий уровень с началом работы китайско-белорусского индустриального парка под Минском. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2014.
2. Немцев пугает вызванная сланцевым газом реиндустриализация США // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.dw.de/немцев-пугает-вызванная-сланцевым-газом-реиндустриализация-сша/a-16721217>. – Дата доступа: 05.04.2014.
3. Commission calls for immediate action for a European Industrial Renaissance // The official website of the European Union [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-42_en.htm. – Date of access: 22.02.2014
4. Wałęsa, L. Die Deutschen sollten mutiger sein / L. Wałęsa // Die Zeit [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2012-09/lech-walesa-interview-ehrenpreis>. – Date of access: 19.02.2014.
5. Польша сделала все, чтобы подписание ассоциации Украины с ЕС состоялось – Сикорский // Официальный сайт информационного агентства «Укринформ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ukrinform.ua/rus/news/polsha_sdelala_vse_chtobi_podpisanie_assotsiatsii_ukraini_s_es_sostoyalos_sikorskiy_1578226. – Дата доступа: 19.02.2014.